

ЮБИЛЕЙ

Завтра в Камергерский переулок вечером лучше не ходить — сметут. Завтра в МХТ с невероятным размахом и оригинальностью отмечают юбилей Олега Табакова, который случился еще в августе. Табаковский юбилей взял старт именно в траурный день дефолта-98 — 17 августа, а закончится 15 октября, в день моего рождения. Спасибо, Олег Павлович, за подарок. Но речь не обо мне. А о большом мастере, масштабной личности, сравнить которую... даже не знаю с чем. Табаков — это Табаков. И это многое объясняет.

Для разминки

— Олег Павлович, ответьте на шекспировский вопрос: быть или не быть?

— Ты знаешь, этот вопрос для меня не стоит. Я фаталист. Стало быть, надо пройти все до конца.

— Любить или наслаждаться?

— Любить. Самый главный подарок человеку — это жизнь, и в этом главным подарком, наверное, главный секрет — способность любить. И когда она заканчивается, то человеку спокойно можно садиться в лодку к г-ну Харону и плыть туда, по ту сторону... Или можно начать просто любить природу. Что в моем понимании одно и то же.

— Почему люди не летают как птицы?

— Во-первых, представляешь, какое столпотворение в небе было бы? Пришлось бы править небесного движения заводить. Потом, все летали бы с разной скоростью. И не только потому, что у кого-то пердьячего пару больше, у кого-то меньше. Ну, короче говоря, это разумно, что не летают: рожденный ходить летать не может.

— Ну вы же летаете.

— А это от легкомыслия.

— Кто виноват?

— Только сам. Только сам всегда.

— Что делать?

— Неси свой крест и веруй. Более толкового рецепта я не знаю.

— Есть ли жизнь на Марсе?

— Не интересуюсь.

— Как пройти в библиотеку?

— Когда у меня есть потребность, я всегда знаю как. Во-первых, это Центральная библиотека СТД, что ближе к Пушкинской площади. Единственная библиотека, в которой я был случайно, — это Ленинка. А так многие библиотеки мною освоены.

Как на исповеди

— Вы придерживаетесь десяти заповедей?

— Никогда так жестко не формулировал. Я думаю, что если человек не утратил совесть, то делает это все не плакатно, не громко, а естественно.

— Но вы же сотворили себе кумира. Я имею в виду Олега Ефремова.

— Ты знаешь, это тоже относительно. Это кумир, который существовал. Как говорится, и позолота, и мишура сползала. Я любил и люблю человека Ефремова при всех его талантах и изъянах. При всех грехах и при всех деяниях. Вот такая здоровая любовь. Она не замутнена ни поклонением, ни зависимостью.

Недавно был на Новодевичьем. Ему положил цветочки, но положил и Антону Павловичу, и Константину Сергеевичу, и Николаю Васильевичу. И Никите Сергеевичу. Но главные все-таки цветы я положил моему главному учителю по профессии — Василию Осиповичу Топоркову.

— Следующая заповедь — “не укради”.

— В оформлении?

— Что? Правда?

— Это ведь азарт. У меня была приятельница в Париже, это она меня дурному научила: взяла какой-то товар, вынесла его, потом взяла сумку — и сумку вынесла. И вот у меня был такой восторженный урок: как же этот капитализм не обанкротился до сих пор? Может, потому, что там мало русских людей.

— Но вы-то что-то вынесли?

— Ну потом выносил иногда.

— Уверена, вы в голодное детство подворовывали.

— Знаешь, я тогда лишь однажды украл. У матери... У мамы был брюшной тиф, и, чтобы выздороветь, ей надо было просто есть хорошо. И сестра моя с подружкой отказались есть и принесли коржики из школы для мамы. Эти коржики высушивались в сухари, а я однажды не выдержал и спер.

— Это самый страшный поступок в жизни?

— Самый страшный. На самом деле этого стыдился долго и думаешь: Господи, что бы мне сделать, чтобы как-то это искупить. До сих пор стыжусь. Стыжусь... Наверное, потому, что это доказательство внятное — человек слаб.

— Как насчет “не желай дома ближнего своего”?

— Это не свойственно. Зависть вообще испытываю к нескольким категориям людей: владеющим французским и играющим на музыкальных инструментах.

— А почему французским?

— Уж больно красивый язык. А все остальное я могу сымитировать.

— Sa va?

— Je saï pas. Как обзвоня могу и в этой роли выступить, но это совсем другое все. Вот если бы... если бы... Бодлера, Верлена мог бы в подлиннике читать.

— Мольера?

— Мольер меня в меньшей степени восторгает в этом смысле. Как это:

В груди больной

Напев ночной, однозвучный...

Это Фет переводит. Думаю, как это по-французски-то совершенно могло быть.

— С домом ближнего понятно. А с его женой и возжеланием ее?

— Ты знаешь... Я как-то и тут умудрялся... Либо с разведенками имел дело, либо с женщинами, утратившими свою причастность к мужчине. Либо вообще с девушками. Так что насчет жены ближнего господь миловал. Уберег. Хотя... было однажды. Но, наверное, стало уроком.

— “Не доноси”.

— Не-ет.

ПОЧЕМУ ТАБАКОВ ЛЕТАЕТ КАК ПТИЦА

Заповеди и грехи мастера

— Ни разу в жизни? Хотя уверена, знаете кое-кого из вашей братии, кто с радостью и задрал штаны письма подписывал, в ушко напечатывал.

— Да. Власть мне дважды предлагала Олега Николаевича сдать. В моменты его тяжелых запоев. Секретарь горкома партии, дама, длинный путь со мной прошла от Маяковки до мэрии (тогда горисполкома), объясняла, что это надо сделать в интересах...

— Так и говорила: мол, напишите, Олег Павлович, да?

— Не напиши, а сдай. Ты видишь, что он вред несомненный театру приносит своей пьянкой. Ты ведь человек.

— А что бы ответили? Или элегантно ушли от ответа?

— Просто сказал, что этого делать не буду.

— Что-то обещала за это?

— Зачем обещать, что я, не понимал, что ли? Я вообще догадливый. У меня и глазенки смывленные.

— Следующая заповедь совершенно невыполнимая: “возлюби ближнего, как самого себя”. Вы возлюбили?

— Было бы неверно или нечестно сказать “да”. Но когда у меня есть возможность, я делаю для людей то, что мне хотелось бы, чтобы делали для меня. Когда я был молод — особенно, и теперь, когда я имею дело с молодыми. Ты же видишь, что человеку тяжело, трудно, безвыходно. И у тебя есть возможность помочь — делай.

— Из семи смертных грехов человеческих вы всех счастливо избежали? Или сребролюбие осталось?

— Ты знаешь, я так много терял в жизни денег. Первая потеря была в 91-м году. Когда мы переезжали с Покровки, обнаружилось шесть сберегательных книжек на 120 тысяч рублей — я много работал в своей жизни. А 120 тысяч рублей в 90-м году стоили двенадцать “Волг”. И плюс еще одна книжка с десятью тысячами рублей, которые я положил на имя моей внучки Полины: она незадолго до этого родилась. Потом — 98-й год — деньги погорели в Инкомбанке. Или вот сейчас: во Внешэгробанке погорели деньги Фонда развития и поддержки МХАТа и Театра Табакова...

— А почему вся Москва приписывает вам выражение: “Никто не любит деньги так, как я”. Конец цитаты.

— Ну это я дразню вас просто. Так вот насчет сребролюбия — ничего, работаю, зарабатываю...

— Может быть, вы любите мотать деньги?

— Я человек веселенький, легкомысленный. Как говорит Лука в “На дне”: “Как ни вихляйся, как ни ломайся, как ни кривляйся, все равно твоя суть будет видна”. Что бы ты ни говорил про себя.

— Да, уныние вам не свойственно — это тоже грех.

— Мало этого, Мариш: я не помню, когда просыпался с плохим настроением.

— Не верю! Невозможно!

— Вот и у Паши моего, смотрю, то же самое. Я смотрю на него и радуюсь.

— А чревоудодие?

— Есть, конечно.

— За много лет в актерской профессии вы убедились, что эта профессия — греховная? Ведь она противоречит всему христианскому — ни кротости, ни скромности, ни целомудрия, ни воздержания...

— И зависти много здесь. Зависть здесь — самое мерзкое.

— Как выжить? Или уйти?

— Я все это прошел очень рано. К примеру, когда мои поклонники приносили мне что-то очень вкусное, а мои товарищи — съедали. Но... я очень защищен любовью. Меня с детства любили. Я не знаю, возможно ли это в случае с другими, но воспитание у меня комплекса полноценности состоялось. И все благодаря любви.

— Но как вы защищаетесь от коллективной зависти? Ведь у Табакова столько завистников.

— Никак. Никогда не тратился на это. Если и раздражаюсь, то настолько, чтобы пройти мимо и дальше двигаться. Я даже сам удивляюсь: вроде надо плюнуть в харю или еще как-то надругаться. Но — нет.

— Кто бы, вы хотели, чтобы вас помянул в своих молитвах?

— Мама, бабушки, Наталья Осиповна Сухостав — учительница моя первая актерскому ремеслу. Ты знаешь, а еще — Маринка Зудина, Люся Крылова.

— Да?

— Ты знаешь, все, что было по любви, оно есть радость в обе стороны.

Еще раз про любовь

— Как вы думаете, почему женщины к вам тянутся, как иголки к магниту?

— А я еще могу. Это же означает, что они верят в мои возможности. Другое дело, что с появлением Марины регламент моей жизни сильно поменялся. Помнишь, как у Шелленберга, когда он расстрелял очередную партию своих адептов (эпизод снимался в Бутырской тюрьме), он довольно натурально говорил: “Это я произвел смену караула”. Вот я смену караула производил в определенном ритме.

— Вы реалистичный человек. Скажите, разница с женой в 30 лет не внушает вам опасения?

— Я очень боюсь стать в тягость.

— Вы мне это говорили ровно 10 лет назад, когда у вас родился Павел.

— Постольку поскольку этого пока не произошло, чего же мне схоластикой заниматься? С другой стороны, я вижу редкие свойства у Марины Зудиной: она держит в голове весь рецептурный список лекарств, которые нужно давать Павлу. Или вот когда у меня была простуда с высокой температурой — 39 с лишним, потом подагра разыгралась... И вот как она все это руками своими обрабатывала... В какие-то секунды я ощущал себя Джизус Крайст, которому Мария Магдалина омыла ноги.

— А если бы вы узнали об измене? Убили бы?

— Нет, не убил бы. Но умер бы, наверное. Фигурально.

— Грееет, что мальчик из Саратова упоминается теперь через запятую в списке: Станиславский, Немирович-Данченко, Ефремов, Табаков?

— Нет, это я всерьез не воспринимаю. Я даже всерьез не воспринимаю то, что я почетный гражданин города Саратова. Я не могу к этому всерьез относиться — мне досталось руинированное хозяйство. Так что я не утверждал себя, восстанавливая театр. Это спасательство чистой воды.

— Вот я вас слушаю, Олег Павлович, и поражаюсь: вы знаете ответы на все вопросы. Или вы все-таки чего-то не знаете?

— Я думаю, что Господь меня одарил мышлением здравым. Во мне говорит знание отца моего, бабушек моих, может быть, даже прадедов. Я почти всегда знал, что надо делать, и почти никогда не ошибался. Это интуиция. К уму это никакого отношения не имеет.

Марина РАЙКИНА.